

Встретились двадцать лет назад ТАРКОВСКИЙ и ШУКШИН

Это была первая доверительная встреча однокурсников спустя много лет после окончания ВГИКа. Каждый шел своим путем в кинематографе. Оба хлебнули лиха, оба достигли высот. И эта встреча не могла не состояться. Вспоминает оператор Шукшина Анатолий Заболоцкий, снимавший «Печки-лавочки», «Калину красную».

— Инициатором был Андрей. Как-то он позвонил Васе: «Надо бы посидеть, поговорить». «Меня пригласили в ЦДЛ на старый Новый год. «Вечер без суеверий». Столик заказан. Приходи» «По рукам».

Столик был в Дубовом зале, где сидели одни литературные «генералы». Помню, даже Евтушенко туда не пустили.

— А почему же тогда Шукшина допустили к избранным?

— Из-за «Калины красной». В «Правду» пришли десятки мешков писем. Кто хвалил, кто ругал. В общем, скандальная слава. Шукшин был на слуху, становился лидером.

За столиком были Шукшин с Лидией Федосеевой, Тарковский и я. Не помню уже, почему Андрей пришел один. «Генералы» веселились от души. Неожиданно к нам подошел Анатолий Сафронов, сам заговорил с Васей. Шукшин приободрился, стал раскованнее. Позже мне сказал, что, оказывается, был женат на дочери Сафронова Вике. У них дочь, очень похожая на Васю. Но Сафронов решил, что Шукшин ей не пара. Не разговаривал с ним прежде, за писателя не считал. И за человека. Вася бедный скитался по Москве. Распределили его после института в Свердловск. Он же считал, что свое слово в искусстве можно сказать лишь в столице. И потому надо прибавиться к Москве. Но никто не помог, ни тесть, ни учитель Михаил Ромм. Вася болтался без дел со свободным дипломом. Потом на студию Горького приблизился. И то больше потому, что С. Герасимов понравился как актер. Он же сыграл в «Двух Федорах», не будучи еще режиссером. И Герасимова зацепило, как Вася импровизировал в диалогах. Это и помогло. Иначе проболтался бы, а жар — он уходит...

А с пропиской ему помог... В. Кочетов.

И представьте состояние Васи, когда после всех этих мытарств вдруг оказывается он в Дубовом зале ЦДЛ.

Не раз подходил к нам Федор Абрамов с рюмкой: «Чего сидите? Надо танцевать, веселиться!»

Но Вася с Андреем весь вечер провели за разговором. Они не были близки в институте, хотя и учились на одном курсе. Андрей — человек европейских устремлений. А Вася считался кондовым. В общем, антиподы. У Андрея сразу было «Иваново детство», Шукшин

долго шел к славе. И эта их долгая беседа была первой после окончания ВГИКа. Чувствовалось, что Тарковский совершенно иначе относится к Шукшину, чем раньше. Он шел на примирение. Предложил чаще встречаться, вести творческий диалог.

Хотя разговор в Дубовом зале был не из приятных. Шукшин не принимал «Рублева». И откровенно сказал об этом Андрею. Мол, вещь антирусская. Она понравится на Западе, но здесь... Я впервые тогда от него услышал, что в той грязи, какую показывал Тарковский, не мог появиться такой художник, как Рублев. Это время расцвета монастырей. Дисциплина монастырская строгая. Монахи были духовно крепкими мужиками. Только благодаря монастырям и устояла Русь, считал Шукшин. «И они не были такими, как ты их показываешь!»

Тут они долго спорили. Вася затевал разговор не для того, чтоб досадить Андрею: он тогда все переводил на «Разина». Хотел в своем фильме избежать недостатков, которые находил в «Андрее Рублеве».

Ушли мы из ЦДЛ часа в четыре ночи. Транспорта, конечно, никакого. Долго шли по ночной Москве, все продолжали говорить. Я ночевал у Шукшина. И он первый раз был доволен. Теперь все идет к тому, чтобы сделать «Разина», что с Андреем договорились чаще встречаться и в дальнейшем реализовать общий проект.

Неизвестно, во что бы это вылилось, если бы не смерть Шукшина в том 74-м. Андрей был на похоронах. Его потрясла эта смерть. Он сам долго маялся тогда без работы. И не по своей же воле покинул страну.

— Можно представить, какой блестящий фильм сделали бы эти два талантливых человека, дай им волю. И скольких картин мы лишились из-за их безвременной смерти! Несмотря на гнет цензуры, идеологов, чиновников-перестраховщиков, редакторские ножицы, к нам все-таки доходили «Иваново детство», «Зеркало», «Андрей Рублев», «Печки-лавочки», «Калина красная»...

«А был бы «Разин» в тот же год» — так пел на смерть Василия Макаровича еще один безвременно ушедший — Владимир Высоцкий.

— Не было бы «Разина»! И напрасно оживился Шукшин в ту ночь старого Нового года двадцать лет назад. Ему бы все равно не позволили его снять.

«Разина» должны были запустить еще в 1970 году. Тогда я приехал к Шукшину снимать нашу первую с ним картину. Но ее заморозили. Появились «Печки-лавочки», «Калина красная»... А к своему главному фильму Шукшин так и не мог подступиться. Не допуска-

ли. Каким был бы фильм — трудно сказать. Разумеется, не таким, как в сценарии. Повесть «Я пришел дать вам волю» — сырая. Он спешил ее скорее опубликовать по одной причине. В Госкино к напечатанной вещи меньше лезут с поправками всякие цензоры-редакторы. Это была просто канва. Он собирался использовать все последние исторические находки. Сам много рылся в архивах. Куда придет фильм — Шукшин не знал. Все пришло бы в процессе работы.

Разин вытанцовывался у него разбойником. Почему он так дорог в народной молве. Россия ведь всегда ждет справедливого хозяина. И какие-то эти черты в Разине были. До тех пор, пока он не предал крестьян.

Он оправдывал своего героя в сцене с персиянкой. Княжна Стеньке нравилась. Но он выбросил ее, чтоб сплотить своих есаулов. Есаулы ведь грызлись, бежали в разные стороны, как окружение Ельцина сейчас. Чтоб объединить их, Разин и бросил со струга любимую княжну.

Фильм ни за что бы тогда не вышел. Это и была одна из причин смерти Шукшина. Но остановить Васю было невозможно. Он все отдался картине. При мне назвали Шукшина в фильм «Они сражались за Родину». В кабинете генерального директора «Мосфильма» Н. Сизова. «Да как же я могу сниматься в такой сложной роли, я же сам должен делать «Разина»!» «Вот сыграешь, и если нет других замыслов, то получишь «Разина». А сейчас — никаких!» — заявил тогдашний председатель Госкино Ермаш.

Это был приказ. Шукшин подергался несколько дней. Или вообще бросить всех и уехать к матери в деревню! (Что было бы самым правильным, он и сейчас бы жил, и мать пожила бы подольше). Или же идти на компромисс. Он знал, что если не пойдет на это, то осердится и Бондарчук. Шукшин выбрал второе. Но к концу съемок понял, что это ничего не даст. «Все равно Сережа меня поддерживает не будет. Хоть бы не вредил». И жалел, что много сил отдал картине Бондарчука.

Впрочем, прошлого не вернуть...

Записал Евгений ЧЕРНЫХ.

Андрей Маринин